

Своё Солнышко найти

Рассказ

Часть 1

Под окном Игнаткиных расцвела сирень. И крупные её кисти касались самого стекла. Дане казалось, что только протяни руку, и почувствуешь мягкую, нежную бархатистость листьев. Но окно было закрыто, да и её койка стояла у противоположной стены, а матери не было в доме.

С грустью Дана смотрела в окно, и вспоминала, как раньше, когда она приезжала на каникулы домой и ходила на гулянья, ребята охапками приносили сирень и раздавали девчонкам, а они так небрежно отмахивались её ветками от комаров.

Дана очень рано – в десять лет – уехала из дома, жила в спортивной школе-интернате, занималась гимнастикой. Но после того как на тренировке сорвалась с перекладины, у неё стала болеть спина. Мамы рядом не было, пожаловаться было некому. А тренеру-воспитателю говорить не стала – «Худороба» не любила жалоб. Но после неудачного падения на скользком тротуаре она потеряла сознание, пролежала на льду около получаса. Кто-то из прохожих вызвал «скорую», и её отвезли в больницу. Пролечившись два месяца, Дана всё же не смогла встать на ноги. Родители забрали её в деревню, и вот уже три года она лежит неподвижно, только руки еле-еле шевелятся.

Сначала Дане просто не хотелось жить, но мать обрушила на неё такой шквал неистраченной материнской любви, что она сдалась, смирилась со своей судьбой и не посмела уходом из жизни доставить родителям ещё большее горе.

Отец был более сдержан, но всячески старался облегчить её быт: он сделал приспособление, на которое ставил книжку и Дана могла самостоятельно переворачивать страницы. Она читала всё подряд, что по-

падало в их дом: местная монашка носила церковные книги, библиотекарьша переносила весь числящийся фонд, фельдшерница знакомила с медицинской литературой.

Однажды к ним забрёл слепой нищий с мальчиком-поводырём. Мать посадила их за стол, накормила, дала с собой продукты.

Дана смотрела на них и пришла ей в голову шальная мысль: вот если бы она поднялась, то стала бы поводырём у какого-нибудь незрячего странника. И так усердно стала молить Господа поднять её с одра болезни, поставить на ноги.

А старец посоветовал матери парить Дану в овсяной соломе и конском навозе, поить отваром калины, делать ванны с отваром корней шиповника.

Что повлияло, Дана не знает, но через год она встала и пошла. Сначала ходила только по дому, затем по двору, а ещё через некоторое время дошла до магазина. Она шла легко, свободно по прибитой дождём тропинке, размахивая сорванной веткой сирени, которая доцветала в самом конце мая. В её сердце звучала музыка, ей хотелось петь, смеяться, танцевать.

Дана подошла к магазину и остановилась как вкопанная: у порога сидел незрячий нищий с тощей котомкой, в заляпанной пятнистой робе. Длинные седые волосы на голове и в бороде были взлохмачены, перед ним лежала зимняя шапка с несколькими монетками в ней. Он сидел молча, низко опустив голову.

Дана моментально вспомнила обет, данный Богу. Она поняла, что это даётся ей испытание: если не пойдёт в поводыри, значит, вновь сляжет. Она подошла к нищему, присела рядом, хрипло проговорила:

– Дяденька, можно я буду поводырём у тебя?

– А кто же ты есть? – слепой встрепенулся, повернул голову на голос.

– Я – Дана, живу в этом селе.

– Сколько же тебе лет?

– Семнадцать.

– А что же тебя заставляет идти в поводыри? – удивился нищий. – Заработка у меня никакого нет, мало подают, зато неудобства на каждом шагу.

– Я обрелась перед Господом, что если выздоровею, то буду поводырём.

– Вот оно как, – задумчиво произнёс слепой. – Обет – дело серьёзное, его исполнять надо. Попробуй, походи – уйти в любой момент сможешь.

– Дяденька, а вы не пьёте? – Дана подозрительно смотрела на лохматые грязные волосы, длинную бороду, на его засусоленную одежду, от которой пахло грязным телом.

– Бог миловал, до такой низости ещё не дошёл.

– А почему вы по сёлам ходите? В городах у церкви больше подают.

– Там одни пропойцы сидят. И для этого надо иметь жильё в городе, а у меня его нет. А в сёлах в летнюю пору под любым кустом ночевать можно. – Слепой встал, отряхнулся, поднял шапку, положил монетки в карман. – Уже пора трогаться в путь. Решай, пойдёшь ли со мной.

– Да, да, я уже всё решила. Только сначала зайдём к нам домой, я оставлю записку родителям, чтоб они не волновались, и вещи с собой заберу. Дядя, а как тебя зовут?

– Зови Олегом Ивановичем.

Они подошли к дому Даны, где их встретила соседка.

– Дана, ты кого это ведёшь домой? – она удивлённо рассматривала её спутника.

– Я поводырём буду у дяденьки, – простодушно ответила Дана.

– Да ты с ума сошла! – испуганно воскликнула соседка.

– Почему вы так говорите? – Дану удивила её реакция на это решение.

– Да ты мать-то совсем в гроб уложишь.

– А вы считаете, что лучше быть прикованной к постели, чем ходить поводырём?! Станный вы человек. Идёмте, Олег Иванович. Осторожно, впереди ямка.

Они вошли во двор и остановились рядом с душем.

– Олег Иванович, у нас здесь летний душ, вода уже хорошо нагревается, папа купается после работы. Вы сможете без посторонней помощи помыться?

– Смогу. Ты только подскажи, как войти туда, где кран.

Дана подвела его к диванчику для раздевания, к крану, на котором была приспособлена мыльница.

– Я сейчас принесу полотенце и бельё.

– У меня в котомке есть смена белья.

– Оно нам пригодится в дороге. А сейчас я у папы позаимствую.

Дана принесла из дома камуфляжные куртку и брюки, рубашку, майку, трусы, носки, положила всё это на диванчик, а полотенце повесила на дверцу. Грязное бельё завернула в узел и отнесла в тёплую душевую, где они обычно стирали.

Она написала записку родителям, объяснив всю ситуацию, собрала в вещмешок немного продуктов, из чулана вытащила ведов солдатский котелок, железную кружку, две ложки, спички. Через час они вышли из дома, сели в автобус, шедший до райцентра. Так начался скитальческий путь Даны.

Днём они ходили по сёлам, а к вечеру перебирались в соседнее село или устраивались на ночлег возле реки или возле стога, если такой попадался. Уже давно они перебрались в соседнюю область и путешествовали там.

У Даны зародилась мечта: собрать побольше денег и устроить Олега Ивановича в глазную клинику на лечение. Её спутник был молчаливым, замкнутым: за день одно-два слова обронит и всё. Но изо дня в день, слово за словом смогла выяснить причину его бродяжничества. История ей показалась не столько странной, сколько дикой. А было дело так.

Олег Иванович Куликов служил в Подмосковье в звании майора. Его считали везунчиком: рядом красавица жена, прекрасная квартира, по службе продвигался ровно, без ненужных скачков.

А тут в Афганистан стали посылать. Сначала с проверками, а затем на два года оставили. Повезло ему: живым вернулся и без единой царапины, а ужасов насмотрелся, и они застряли в мозгу.

Опять пошла ровная служба, но подошли девяностые годы, началась война внутри страны: Приднестровье, Осетия, Абхазия, Таджикистан, а потом и Чечня. Их, обстрелянных в Афгане, совали во все дыры. В одном из боёв в Чечне его ранило в голову

и в позвоночник. Год лежал в госпитале в Ростове: в Москву не перевозили, там на всех не хватало мест. Но из Москвы приезжали профессора, сделали две операции – на голове и на позвоночнике. Медленно, но шёл на поправку. Нейрохирург, делавший операцию на голове, предупредил: никаких сильных эмоций, иначе грозит слепота.

Несколько раз приезжали друзья – сослуживцы и пытались перевезти в Москву, но ничего не получалось. Два раза была жена, и он чувствовал в её отношении холодность, которая появилась впервые после его возвращения из Афгана: иногда по ночам он вскрикивал, и тогда жена вскакивала и в раздражённом состоянии уходила в другую комнату.

Близилось время его выписки, и по госпиталю поползли слухи, что жена за ним не приедет. И Олег Иванович уже стал настраивать себя на дом инвалидов: а что, и там жить можно. Но жена неожиданно прислала телеграмму, что к дате выписки она приедет. Олег Иванович не знал, как отреагировать на это известие: зрение катастрофически падало, а жена за больным ухаживать не будет – не та порода.

И вот настал день выписки. Рано утром приехала жена на «Волге». Сбежалось всё отделение, так что проводы получились шумные. Кто-то шепнул, что жена неотразима, а у него от волнения перед глазами была только чёрная точка.

Сев в машину, жена сказала, что она квартиру в Подмосковье поменяла на квартиру с дачей в Воронеже и что сейчас они поедут в пригород, два месяца поживут на даче, так как ему нужен свежий воздух.

Ехали они очень долго, Олег Иванович устал, спина его разламывалась от боли, и потому в разговор жены с водителем не вступал, притворившись спящим. Но, наконец, машина остановилась, жена вывела его и посадила на скамейку, сказав, что пойдёт открывать ворота.

Он услышал, как хлопнула дверца машины. У него на какой-то момент прояснилось зрение, и он увидел усмешку на лице жены, сидевшей в машине, и недоумение, сменившееся ужасом, в глазах водителя. Как током ударило в виски, в затылок, голо-

ва закружилась, и разом померк свет, скрыв всё окружающее. Чтобы не упасть, Куликов ухватился руками за край скамейки.

Машина отъехала, и воцарилась тишина. Как долго он сидел в таком оцепенении, не знает. К нему кто-то подошёл, кашлянул, заговорил женским голосом:

– К кому же ты приехал, милоч?

– А чья это дача? – у Олега Ивановича ещё теплилась какая-то надежда.

– Моя. Я тут живу постоянно, круглый год.

– А женщину, которая привезла меня, вы видели раньше?

– Видела один раз, она была на пирушке у моего соседа.

– А где он сейчас?

– Он уехал в отпуск к морю. На дачу не велел никого впускать, – строго произнесла женщина.

– Да вы не бойтесь, я туда не пойду. Я слышу, что тут близко проходит электричка, вы не сможете добраться до станции? У меня плохо со зрением.

– Почему же не помочь, слабому помогать – святое дело. А кто же тебе эта женщина? Почему она бросила тебя?

– Это совсем чужой, посторонний человек. Я перепутал адрес, – только сейчас Олег Иванович понял, что все эти годы жил с чужим, безжалостным, жестоким человеком и теперь для него её просто не существовало на этом свете.

– Всякое бывает в жизни, – сочувственно произнесла женщина. – Тут зрячая, и то иногда так напутаешь, а вам, бедолагам, в миллион раз труднее. Тебе как удобнее – чтобы я тебя под руку держала или ты за меня возьмёшься?

– Мне всё равно.

– Тогда пойдём. – Женщина взяла его под руку и повела к станции. – Ты, милоч, не переживай, Господь не оставит в беде, пошлёт тебе доброго человека, только не озлобляйся на весь белый свет – добрых людей много, их больше, чем подлых.

Они по ступенькам поднялись на платформу в тот момент, когда остановилась электричка.

– В какую сторону тебе? А то вот эта идёт на Малаховку.

– Мне на неё надо, – поспешно ответил Олег Иванович. Он боялся, что женщина уйдёт и он не сможет сесть один. Ему было всё рано, куда ехать, только бы не оставаться здесь.

Он взошёл на площадку вагона и крикнул в пространство:

– Спасибо, мать, что довела.

– Храни тебя Господь, сынок, терпенья тебе и выдержки.

Ему помогли пройти в вагон и сесть на сиденье. Кто-то из пассажиров вложил в одну руку булочку, а в другую – крупное яблоко. И он ощутил, что голоден: под ложечкой заныло, и он с аппетитом откусил булку, а затем и яблоко. Заморив червячка, он прислонился к стене и старался отогнать все мысли, не думать ни о чём. Его разбудили на конечной станции. Дежурный сочувствующе спросил:

– Почему ты один, браток? Уже поздно, последний автобус отошёл.

– А когда будет первый?

– Утром. А тебе в какую сторону?

– Да мне всё равно. Туда, где больше подадут. – Олег Иванович пытался говорить шутливо, но у него это не получалось: голос был грустным, растерянным. Он понимал, что кружит в Подмосковье, а не в Воронеже, как сказала жена. Где-то недалеко был их городишко, но его туда не тянуло: если жена решила избавиться от него, то она действительно поменяла квартиру. Но почему она не отдала документы, зачем они нужны ей? Зачем? Что она может по ним сделать? Или действительно что-то сможет? Как она решилась на такую подлость? Но пока он живой, всё может открыться и вся её затея провалится. Она не понимает этого или не хватило духу пойти на крайний шаг? А ведь могла, жестокости в ней предостаточно. Значит, не хватило ума. Он пытался отогнать эти грустные мысли, однако они назойливо лезли в душу, стучались в сердце. Что делать ему? Неужели действительно – попрошайничать?

– Пошли, браток, ко мне в сторожку, там переночуешь, а утром поезжай, куда хочешь, – дежурный взял его под руку и повёл.

Утром Олег Иванович, вооружённый вещмешком, тёплой курткой, сел в электричку, шедшую до Москвы, а затем пересел на

поезд «Москва – Астрахань» и, проехав полпути, вышел на стыке двух областей – Тамбовской и Саратовской. Там и начались его скитания по городам и сёлам. Отчаяние всё чаще посещало его: страшили надвигающиеся холода, и перспектива замёрзнуть под каким-нибудь забором могла стать реальностью.

Однажды он забрёл в полузаброшенное селение, в котором из жильцов остались один восьмидесятилетний дед Евсей и три старушки: младшей было восемьдесят два, а старшей – девяносто два.

В одном из заброшенных домов крыша и стёкла были целы, а дверь открыта – она как бы приглашала его войти в дом. И Олег Иванович не стал испытывать судьбу, решил остаться на зиму в этом доме. Пока не выпал снег, он с помощью старушек набрал себе картошки на ближайшем колхозном поле, которое было уже перепахано, но клубни кое-где лежали на поверхности. Капустой поделился дед Евсей – Олег Иванович помогал ему срубить кочаны. Зрение у него временами возвращалось, и тогда он видел как в тумане.

Однажды зимой дед Евсей принёс крупного зайца, который попал в поставленный им силоч. Когда его варили, то Олегу Ивановичу казалось, что мясной дух разносился по всей округе. И сразу вспомнилась та, прошлая жизнь, когда он с друзьями ходил на охоту и в лесничем домике варили уху или жарили на вертелах пойманную дичь. Что-то делают они, вспоминают ли его? Или так же, как и жена, вычеркнули из списков живых?

Так прошла зима. Но в начале марта объявился хозяин дома, решивший приспособить усадьбу под дачу. И пришлось Олегу Ивановичу вновь пуститься в странствия. Он зарос не только внешне; как ему казалось, и душа его зачерствела, замшела, задубела.

Надо было обращаться в военкомат, вручать документы. Но где гарантия, что там поймут его, поверят? Да и что рассказывать? Правду? Он не хотел вспоминать об этом кошмаре, а врать, что-то придумывать, не мог.

(Продолжение следует)